

13.11.2002

Кербель Лев Ефимович

Октябрьская революция и Лев Ефимович Кербель родились одновременно — 7 ноября (25 октября по ст. ст.) 1917 года около одиннадцати часов вечера. Революция — в Петрограде, Кербель — в Чернигове. Не будет преувеличением сказать, что они любили друг друга. Государство дало Кербелю образование, получить которое он отправился с личного благословения Крупской и по записке Бухарина. Тридцать памятников работы Кербеля украсили Москву, не меньше сотни его монументов поднялось по стране, примерно столько же установлено по всему миру, от Берлина до Коломбо. Два из них разрушены: в шестидесятые годы памятник советско-китайской дружбе сломали хунвейбины, двадцать лет спустя двадцатидвухметрового болгарского Ленина снесли антикоммунисты. Бывают странные сближения.

Кербель изваял для государства несколько десятков Лениных, одного Сталина в гробу, одного Черненко (которого считает очень неглупым человеком), Маркса (позыне стоящего напротив Большого театра, на бывшем проспекте Маркса) и множество Гагариных. Государство сделало Кербеля академиком и наградило множеством орденов. Впрочем, Кербель любил свое дело бескорыстно и очень обижался на вопрос «А что вы лепите для души?»

Государство, порожденное революцией, перестало существовать. Так что его восьмидесятилетие мы отметили без него. А соответствующий юбилей Кербеля — с ним. Правда, связь между главным государственным скульптором и его исчезнувшей империей до сих пор никуда не делась: Кербель не перековался, не начал притворяться ультрадемократом и не отступил ни от своих Лениных, ни от своих Фиделей. Кто, в самом деле, станет сегодня порицать Кербеля и его монументальное искусство? Ему вон и Путин поздравления присылает регулярно. И памятник погибшим морякам «Курска» воздвигнут им в Москве в августе этого года: монументальная скульптура востребована любой эпохой, а делать ее умеют немногие.

Я приехал в мастерскую Кербеля на улицу Зорге. Мне открыл невысокий рабочий в синем халате и зеленой кепочке.

— А хозяин где? — спросил я.

— Сейчас, «фидельку» сниму, — сказал хозяин. Снял кепку, халат и оказался Кербелем, более чем скромным на фоне скульптур, которыми уставлена его мастерская.

Я привожу наш разговор без комментариев — зачем что-то комментировать после 85 лет советской и постсоветской истории? Хватит уже клеймить, порицать и восхищаться. Пора разговаривать — среди всего этого глиняного и гипсового великолепия, где Мейерхольд соседствует со Сталиным, Александр Второй-освободитель — с Лениным...

«Крупская предложила мне пообедать»

— Вы прямо с вокзала к Крупской приехали?

— Ага. В тридцать четвертом году. Из Смоленска приехал и — в комиссариат просвещения. «На

фото Андрея Струнина

Скульптор революции

скульптора учиться хочу». Она мне: а вы ели? Вы ведь, наверное, прямо с вокзала? Идите, вот талон, у нас хорошая столовая внизу... Вот было отношение!

— Про тридцатые годы каждый говорит по-своему. От одних я слышал, что была вакханалия ужаса, от других — что расцвет, от третьих — что без ужаса не было бы чувства расцвета...

— Я помню расцвет, потому что я молодой был. Ведь к нам в пионерские лагеря запросто Калинин приезжал — не с трибуны выступать, а с пионерами разговаривать. Они еще простые были, вожди. Подойти, потрогать — запросто! Я же к самой Крупской с улицы пришел!

Ну вот, а Крупская дала мне записку к Бухарину, в «Известия». И уже он меня к Бродскому отправил. Я, когда учиться начал, удивлялся: почему у меня сразу одни пятерки? Люди постарше меня, иногда в преклонных годах, над деталями мучаются, каждую жилочку вылепливают... А я сразу видел композицию в целом, за это, наверное, и хвалили.

— Крупская как вам показалась?

— Некрасивая, глаза выпучены, но добрая очень, очень. Ее Сталин не любил, все знали. Она в опале доживала.

Вот, а потом война, я добровольцем пошел. Под Вязьмой был, чувствую — не могу идти больше, ноги болят. Ужас, слушай, что было! Какая жизнь у меня была, сколько всего... коровы бегут, люди, режут, плачут все... Отступление — это ж хуже нет. И сел я у стога, привалился, а тут прямо в этот стог бомба.

Подняло меня на воздух, грохнуло об землю — и больше ничего не помню; хорошо, жена моя будущая, медсестренка шестнадцати лет, заметила, что живой. Так и познакомились.

«Первые скульптуры слепил из снега»

После контузии лечили меня долго, и поехал я на Северный флот от ЦК ВЛКСМ — военным художником. Приехал, попросил флотский ансамбль песни и пляски снегу мне натоптать, взял у повара нож, выпил водки, руки намазал вазелином — и стал из утоптанного снега композиции лепить. Две слепил: как немцев от Москвы гонят и еще матроса. Командующий флотом их увидел и говорит: ну, херовых матросов у меня и без тебя полно, давай героев лепи, увековечивай. Я: товарищ адмирал, разрешите мне в поход! Он: куда тебе в поход? Ну, ступай на «Разумный». Ходил я на «Разумном», ходил на «Гремящем». В открытом море тошнило меня — страсть. Моряки дразнились — скульппер! Но потом ничего, и я привык, и они ко мне привыкли.

Из похода вернулся — стал лепить. Адмирал говорит: чтоб за месяц сорок героев мне увековечил! Я: как — сорок за месяц? Невозможно! А он мне: что значит невозможно? Надо! Тридцать два бюста я слепил. Мухина один увидела на выставке — вот он стоит, я его за три часа слепил когда-то — и говорит: вся война в этом лице. Вся война! Гордились мной очень на флоте, на руках носили. Я колдун считался.

— Как это?

— А кого я ни вылеплю, тому завтра Героя дают. Провел человек, допустим, конвой без потерь — ему сейчас Героя. Ведут ко мне, я леплю, а на следующий день про него по радио передают. Но это, конечно, не я колдовал. Это командование знало заранее, кого оно к награждению представило.

Да. А после войны уже начал заниматься монументальной скульптурой как она есть. Но первый мой памятник до сих пор в Полярном стоит. Он и самый любимый, наверное.

— А я у вас Маркса больше всего люблю. Который на Моховой.

— Вот тебе календарик с ним на память. А почему, интересно?

— Я мимо него каждый день на журфак ходил. Вся молодость моя под ним прошла. Пиво мы под ним пили.

— Тоже дело. Если каждый день мимо статуи ходишь и она не кажется чужеродной — значит, правильная статуя. Значит, уже часть жизни. Я люблю, когда к памятникам моим просто так приходят. Посидеть там или свидание назначить...

«У меня столько невыкупленных памятников, не поверишь...»

— Скажите, а монументальная пропаганда вообще нужна зачем-нибудь?

— Ты что! В ней же вся память. Как без нее? Что еще от той страны осталось? Заводов нет, а памятники наши на заводах стоят. Людей, которые эту страну делали, нет. А памятники есть. Они во всякое время будут нужны. Вот

я пролетария ваял, борца за мир. Сначала рядом с ним земной шар был в цепях, а над ним знамя с профилями Маркса — Энгельса — Ленина. Это в семидесятые еще, когда его собирались напротив Каменного моста устанавливать. Я потом переделал — земной шар уже сделал без цепей, а над ним знамя мира. Столько вариантов сделал! Но денег нет, так и не выкупили. У меня столько невыкупленных стоит, не поверишь! Мейерхольда выкупать не стали — денег нет. А туркменам я ваял их нынешнего главу — а?! В бронзе, с позолотой?! Ведь ты послушай, все говорят, что демократии прибавилось. Я двумя руками за демократию, но ведь во всех этих азиатских деспотиях не пахнет никакой демократией!

— Что ж вы деспота ваяли?

— А заказали! Но не только не заплатили, а и на открытие не пригласили. Это ж до чего надо дойти — скульптора на открытие не позвать! Но зато прежние памятники мои — их очень чтут. Свадьбы к ним ездят, дипломы около них вручают... Вот для Смоленска я композицию сделал о войне — «Смоленск — город-герой». Вот она стоит: тут девушку повешенную из петли вынимают, тут подпольный обком заседает, тут партизаны в бой идут... В городе очень любят эту композицию, берегут. Я себя смолянином считаю, там родители мои похоронены, там я школу окончил...

— У вас сколько примерно работ?

— Больше двух тысяч.

Окончание на стр. 19.

Скульптор революции

Окончание. Начало на стр. 14.

— Но ведь это адов труд!
— Труд действительно адов, кропотливый. Сначала эскиз рисуешь, потом лепишь — в пластилине, в гипсе. Вот у меня эскиз с голубками — я увидел их почти сразу после войны: горлица успокоилась, сидит смиренно, а голубок еще оглядывается, еще ждет опасности... Двадцать лет у меня набросок стоял! Только потом сообразил я: надо их посадить на руины прошедшей войны. Вот и получается, что они стерегут мир. Видишь, вариантов сколько? Потом отливка (это если бронза). А портрет женский в бронзе делать не будешь, так? Тут мрамор, я его люблю особенно. Вон у меня Быстрицкая стоит в мраморе. А когда гранит — тут уж все сам. То есть рабочие, конечно, по точкам переведут общий контур лица, а тонкие всякие детали — глаза, морщины, рот — сам вырубашь. Не то они тебе такого наваяют...

— Вы с натурщиками работаете? Или по воображению?

— Портреты все свои я лепил с натуры, первый эскиз часа за два-три, потом доделывал уже по памяти. А композиции — когда с натурщиками, когда так. Натурщики ведь знаешь какие сейчас? Они как проститутки. Раздеваются за деньги и берут дорого. Все дорого стало. Мрамор, бронза. Вот я отливку модели «Курска» за собственный счет делал — попробуй сдвинь. Скульптор сейчас сам все должен.

«Против Зураба Вучетича — слабец»

— Я вижу, у вас Дзержинский стоит.

— Да, хороший человек был. Обосрали его демократы ваши, а сколько он детей спас?

— Вам памятник работы Вучетича нравится?

— Отличная работа, всю площадь держал. Вучетич, что говорить, талантливый был скульптор, но против Зураба он слабец.

— Да что вы такое говорите!

— Правду говорю. Вучетич был для своего времени, тоже со сложностями человек, а Зураб для нашего. Он ведь модернист, Зураб — новые работы посмотрел — чудо! И тысячи людей смотрят, тысячи. Вот сейчас, на выставке. Краски какие — ни у кого таких нет!

— Значит, думаете, зря Дзержинского убрали?

— А ничто другое не прижилось на площади. Вот сам и смотри.

— Так, может, еще и Сталина поставить теперь? Тоже был друг детей большой...

— Сталин — нет, ты его с Дзержинским не равняй. Хотя... чтобы кое-кому мозги прочистить, чтобы вся эта шваль воровская поняла что-нибудь, — я бы одного Сталина, пожалуй, и поставил.

— Вы не лепили его?

— Живого не лепил, мертвого лепил, когда они все, соратники, в почетном карауле стояли. Тут я и насмотрелся, кто как стоит. Берия — орлом глядел, очками сверкал. Вождем себя видел. Хрущев несчастный-несчастный, весь согнутый, штаны падали с него. У Кагановича, смотрю, шнурки развязаны... Сталин был, может, и не самый умный из naslednikov, но воля у него была самая крепкая. Он возле Ленина

потерялся и понял, что воля — самое главное. Эти умники бы друг друга быстро поели и страну погубили, а он цель видел. Он страну заново создал. Было, конечно, всякое, и перегибы были, и людей брали...

— И вас могли взять.

— Могли, да. Но! Посмотри, как он решил национальный вопрос. При Сталине был национализм? Не было! Если он чувствовал, что народ ненадежный, что

заберет... А он никого никуда не заберет.

— Не верите вы в Бога?

— И никогда не верил. Правда, когда получается что-нибудь, крещусь: ну, слава тебе, Господи! А так — я не крещен. Я еврей. И никогда мне, кстати, не напомнили тут, что я еврей. Кроме единственного случая, когда я в академии поступил, а русских несколько не приняли. Вот они кричали тогда, что евреев берут, а своих,

мы американцам? Это при этом вашем любимце, с двумя бляшками на лбу, стали мы отовсюду выходить и перед всеми пасовать и всю политику переключили на Америку. А Америке самой от этого хуже стало. Вот смотри: был у нее основной противник, кстати, вполне цивилизованный. И было противостояние: вот так, глаза в глаза, как на Кубе. А не стало нас — и с кем они теперь наедине? С третьим миром? С террористами арабскими, у которых вообще никаких тормозов? Вот тебе и рухнула мировая система, и сам смотри, с чем они остались. Во время кризиса кубинского Хрущев очень твердо себя повел. И с Кеннеди вовремя договорился, но на наших условиях.

— Вы его лепили?

— Хрущева — никогда. Кас-тро — лепил, весь кабинет его, всех министров. И самого Фиделя. В ванной.

— Господи, почему?!

— А он мне в Гаване отличный дом выделил, такой дом — с обслугой, что ты! — жалко было пачкать. Я с гипсом работал — ну, говорю, давай в ванной, а то заляпаем все! Я приехал туда Маркса делать из уникального белого гранита, такой во всем мире только под Гаваной и есть. Но мне, конечно, хотелось и Фиделя послушать. Я слушал — и не столько его, сколько народ. Это что же делалось! Кричат: «Фидель! Фидель!» Никогда больше такого не видел. Четыре часа он мог говорить без перерыва, без бумажки, — а они слушают его, как полубога! Такая харизма вокруг него была, такое очарование... И сам — огромный, монументальный, бородатый! Кепку мне эту подарил, сигар ящик. И каждый год первого января фрукты присылал. Только в этом году не прислал. Он сейчас болен, говорят, и трудно ему, потому что мы его предали...

«Сын был добровольцем. Как и я»

— Мне, если честно, из всех ваших работ в этой мастерской больше всего понравился «Реквием» — мужчина и женщина. Это кому?

Натурщики ведь знаешь какие сейчас? Они как проститутки. Раздеваются за деньги и берут дорого. Все дорого стало. Мрамор, бронза. Вот я отливку модели «Курска» за собственный счет делал — попробуй сдвинь.

русских, побоку. Но это один был раз! Я никогда себя от страны не отделял, и ты не отделяй. Евреи всегда России служили и полезны были, потому что еврей, да еще с русской закваской, — это умнейший человек, я тебе скажу. И не уезжай никуда. Ты здесь нужен, а там не нужен никому.

— Я знаю.

«Фидель позировал мне в ванной»

— А к Хрущеву вы как, интересно?

— Ох, он сильный был мужик. Это все врут, что он — так... Он здорово шороху навел на Западе. Если может русский лидер ботинком постучать — это значит, он имеет право! Это сила! С Кубой он как, а? Ведь не уступили

Ох как они нас ненавидели тогда! Да что нас, они своих ненавидели. Я потом прочел, они во время бархатной революции своей министра за ноги подвесли и в рот ему сали. Наши никогда до такого зверства не дошли бы... Ну, все-таки кое-как вызвал я врача, сделали сыну укол, вернулись мы в Германию, оттуда я его прямо в Москву отправил — а там он уже стал падать чаще и чаще и умер. Я после смерти жены долго один жил, только через несколько лет женился. И пошли у меня с тех пор только дочки — три девочки, одна за другой. Как первая родилась, я сразу курить бросил. С тринадцати лет курил, а тут завязал навсегда.

— Как вы в такой форме умудряетесь держаться?

— Может, работа такая — она закаляет. А может, сплю мало — это тоже полезно. Я редкую ночь больше четырех часов сплю. Жена говорит: что ты в такую рань поднимаешься?! А я — нет, не могу. Встаю и сюда иду.

— Каждый день работаете?

— Каждый день. «Курск» делали — на лесах стоял, в три этажа были леса, на третий уже не мог подниматься, на втором работал. У меня Ельцин когда в мастерской был — это еще когда первым секретарем горкома сделали его, — он посмотрел так и сразу на ты мне говорит, вообще всегда сразу на ты переходил: это что же, ты сам все делал?! Я говорю: сам, а ты как думаешь? Он: не может быть! Я тогда, честно сказать, еще верил в него. Потом только понял, что он все раздуть хочет, а сам — подняться на этом. Теперь собирать надо. Но ничего, соберем. Выхода нет другого.

— А это что у вас за бородатый мужик с пером?

— Это, молодой человек, не мужик с пером, а Александр Второй-освободитель! Конкурсы был, либералы ваши памятник хотят ему ставить. Я сделал, а первое место мой ученик взял. Я не в обиде, он человек очень талантливый, победил заслуженно. У меня много учеников хороших, а говорят — талантов нет. Есть таланты, если не дали задурить себе башку...

— В какое время вам работало лучше всего?

— На Северном флоте, в сорок четвертом году. Каких людей я лепил, что ты! Один без ступней летал, один был летчик, дважды Герой, погиб потом... Хирурга флотского лепил, тоже был умница... Вот с ними хорошо мне было, это моя была армия. Они мне сейчас кортик присвоили золотой с пожизненным ношением и форму флотскую — откуда размер знали? Я капитан первого ранга! Вот на флоте я любил всех и еще космонавтов любил. Гагарина.

— Говорят, загадочный был человек...

— Да ничего загадочного, просто хороший. Он мне вот эту мастерскую пробить помог. Под фундаментом лежит бутылка водки, которую он по этому случаю принес.

Одним слава вредит, а другой от нее смягчается, добрее, лучше делается... Он от своей славы светился, удивительно добрый стал человек и чистый. Сейчас нет таких. Все, иди, молодой человек, я работать буду. Смотри лишнего не пиши. Писать надо главное.

Кто его знает, что тут главное? Иногда мне кажется, что самое главное Кербель проговаривал как бы про себя, вспоминая людей, рядом с которыми он запечатлен молодым на своих фотографиях. «Этого убили... этого посадили потом... из этих никого больше нету... Ох, жизнь у меня была! О, о, какая долгая история!»

История была долгая, богатая и разнообразная, большая и грубая, как монументальная скульптура. Об истории, как и о вкусах, не спорят. Она или есть, или ее нет.

■ Дмитрий Быков.

Юрий Гагарин в мастерской Льва Кербеля

Слева направо: Фидель (бюст), Фидель (оригинал) и Лев Ефимович